

А.И. Богданович

Годы перелома

**Сборник критических статей.
1895-1906 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

- A11 **А.И. Богданович**
Годы перелома: Сборник критических статей. 1895-1906 гг. / А.И. Богданович – М.: Книга по Требованию, 2021. – 500 с.

ISBN 978-5-458-52587-9

А.И. Богданович известный публицист и литературный критик конца XIX - нач. XX века, с 1895г. член редакции журнала Мир Божий, позже занявший пост главного редактора, приобрел известность благодаря своим рецензиям на новые литературные произведения и ежемесячным «Критическим заметкам», которые заняли место в ряду наиболее читаемых литературных обзоров. Был близок к народничеству. Данная книга представляет из себя посмертный сборник критических статей А.И. Богдановича, изданный его друзьями через год после его кончины.

ISBN 978-5-458-52587-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Памяти А. И. Богдановича А. Куприна	I
Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ. (Черты изъ личныхъ воспомина- нiй) В. Короленко	VIII
А. И. Богдановичъ, какъ писатель и редакторъ „Мира Божiя“ М. Невѣдомскаго	XXIII
„Народъ“ въ нашей „народнической“ литературѣ	1
Французскiй „пролетарiй“ и русскiй общинникъ	4
„Ганнеле“ Гауптмана и „Притчи“ Л. Н. Толстого	10
Мистическiя настроенiя въ литературѣ иностранной и у насъ	18
„Сочиненiя Н. А. Добролюбова“.—Н. В. Шелгуновъ въ „Очеркахъ русской жизни“.—„Современныя теченiя“ въ характеристикѣ г. Южакова	25
Памяти Н. В. Водовозова	40
Берне.—Вливозь его къ нашей современности.—Полное собранiе сочиненiй Ибсена	43
„Въ мирѣ отверженныхъ“ г. Мельшина	59
Историческiя драмы Ибсена	69
Лѣсковъ—писатель-анекдотистъ	76
Письма изъ деревни А. Н. Энгельгардта	85
Никитенко, какъ представитель обывательской философиі приспо- собляемости	94
„Мужики“ г. Чехова.—„Въ голодный годъ“ Вл. Короленко	107
А. П. Чеховъ—талантъ мертвой полосы	117
Н. И. Златовратскiй	124
„Спирька“ г. Елпатьевскаго.—Народническая схема капитализма	134
Графъ Толстой объ искусствѣ и наукѣ	140
Памяти В. Г. Вѣтинскаго	158
Философиі приволья. „Очерки и рассказы“ Максима Горькаго	178
Последнiя произведенiя г. Чехова: „Человѣкъ въ футлярѣ“, „Крыжовникъ“, „Любовь“	189
Эпигоны народничества:—Г. Меньшиковъ, самый яркiй представи- тель ихъ.—Народникъ стараго типа:—Н. Е. Петропавловскiй- Кароинъ	201
Моментъ перелома въ художественномъ отраженiи.—„Везъ дороги“ и „Повѣтріе“, рассказы Вересаева	218
„Три рассказа Ан. Чехова: „Случай изъ практики“, „Новая дача“, „По дѣламъ службы“	231
Юродствующая литература: „О любви“, М. О. Меньшикова; „Су- мерки просвѣщенiя“, В. В. Розанова	240
Полное собранiе сочиненiй П. И. Мельникова	261
„Воскресенiе“, романъ Л. Толстого	272
„Воскресшая книга: „Знаменiе времени“ г. Мордовцева	288
Московскiй художественный театръ	296
Въ мирѣ мерзости и запустѣнiя.—„Гимназическiе очерки“ г. В. Ни- конова	313

Страничка изъ исторіи реакціонной прессы	320
Важная годовщина—пятидесятилѣтіе смерти Гоголя	326
Типы Гоголя въ современной обстановкѣ.—„Служащій“, рассказъ г. Елпатыевскаго	333
Г. Ив. Успенскій въ воспоминаніяхъ В. Г. Короленко	346
Современные славянофилы.—Начало Русскаго собранія	359
„Въ Туманѣ“ Андреева и „Одна за многихъ“	372
„Очерки и рассказы“ Вл. Короленко т. III	386
О г. Купринѣ и другихъ молодыхъ беллетристахъ.—Еще о г. Ко- роленкѣ	397
Памяти Н. К. Михайловскаго	410
Въ области женскаго вопроса	415
„Петръ и Алексѣй“, ром. г. Мережковскаго.—„Страна стцовъ“ г. Гусева-Оренбургскаго	429
„Рассказы“ г. Арцыбашева	444

Памяти А. И. Богдановича.

Существует прекрасный, полный героической трогательности рассказъ объ одномъ адъютантѣ Наполеона. Въ разгарѣ сраженія онъ подскакалъ къ императору, пославшему его съ какимъ то порученіемъ, сдѣлалъ точный, спокойный докладъ, но вдругъ началъ блѣднѣть и шататься въ сѣдлѣ.— „Etes vous blessé, monsieur? — спросилъ Наполеонъ.— „Pardon, sir, je suis mort“ — отвѣтилъ офицеръ и упалъ мертвымъ на шею коня.

Мнѣ вспоминается этотъ рассказъ, когда я думаю о послѣднихъ дняхъ и о смерти Ангела Ивановича Богдановича. До тѣхъ поръ, пока была возможность держаться на ногахъ, онъ мужественно отдавалъ журналу послѣднія крохи жизненной энергіи, преодолевая давнишнюю тяжкую болѣзнь, страданія отъ которыхъ стали подъ конецъ невозможно-жестокими. Оставивъ редакцію, онъ въ тотъ же день слегъ въ постель и черезъ нѣсколько недѣль умеръ.

Однажды вечеромъ, вотъ уже годъ тому назадъ, я засталъ его въ редакціи. Онъ былъ одинъ и сидѣлъ за корректурой, нагнувшись, совсѣмъ приблизивъ къ листу свои слабые глаза въ темныхъ очкахъ. Низко опущенный абажуръ лампы оставлялъ всю комнату въ зеленоватомъ сумракѣ, но въ свѣтломъ кругѣ, падавшемъ на столъ, особенно четко выдѣлялся прямой проборъ мягкихъ волосъ, блѣдное, безкровное, исхудалое лицо, свѣтлая бородка, заостренная книзу, и сухая бѣлая рука, нервно чертившая на поляхъ корректурные знаки. Помню, меня поразилъ тогда его голосъ:

прежде такой отрывистый, рѣшительный, нѣсколько сухо-ватый,—онъ звучалъ теперь глухо и грустно, съ какой то новой, непривычной кроткой медлительностью. Тишина, усталость, болѣзнь и близкая смерть вѣяли въ этотъ безмолвный вечерній часъ надъ его склоненной головой.

Можетъ быть мало найдется людей, которыхъ судьба преслѣдовала бы съ такимъ ожесточеннымъ постоянствомъ какъ Богдановича. Въ ранней молодости—суровыя бѣдствія студенческой жизни, безымянная, самоотверженная, не ждущая признанія и не ищущая благодарности борьба за освобожденіе народа, и за нею полицейская травля, обыски, ужасы военнаго суда 80-хъ годовъ, крѣпость и ссылка; позднее тяжелая, скудно оплачиваемая, изматывающая душу работа въ провинціальной прессѣ; еще позднее—десять лѣтъ огромной журнальной дѣятельности въ свирѣпую эпоху гоненія на печать и,—что еще хуже!—въ пресловутую эпоху свободы печати. Ценаурныя условія и политическое прошлое принуждали Богдановича скрываться за скромными инициалами А. Б., и такимъ образомъ отказаться даже отъ того удовлетворенія авторскому самолюбію, которое такъ невинно и понятно, а для Ангела Ивановича было такъ заслуженно.

Но маленький, худой, блѣдный человѣкъ, обладавшій несокрушимой волей, твердо шелъ впередъ наперекоръ судьбѣ. Онъ достигъ многого: скромные инициалы привлекли кругъ отзывчивыхъ и благодарныхъ читателей, имя Богдановича приобрѣло надлежащій вѣсъ и значеніе въ литературномъ мирѣ, счастливая семейная жизнь обѣщала отдыхъ и спокойствіе. Тогда судьба нанесла послѣдній, уже непоправимый ударъ—мучительную, неизлѣчимую, затяжную болѣзнь,—послѣдствія крѣпостного режима и суровой борьбы за жизнь.

Никогда и никто изъ насъ не слышалъ отъ него ни одной жалобы. На вопросы о здоровьѣ онъ отвѣчалъ точно вскользь—коротко и небрежно, куда то въ сторону, прекращая этимъ дальнѣйшее любопытство или участіе. Точно также никогда онъ не говорилъ ни слова о себѣ самомъ, о своей жизни, или о личныхъ дѣлахъ. Даже обычное, такъ

излюбленное людьми мѣстоимѣніе „я“ онъ замѣнялъ въ разговорахъ съ сотрудниками собирательнымъ редакціоннымъ „мы“.

Вообще я не зналъ болѣе молчаливаго человѣка, чѣмъ Богдановичъ и думаю, что немногословность его происходила равномерно, какъ изъ серьезной замкнутости сильнаго, трезваго и осторожнаго характера, такъ и отъ долготѣтней привычки къ упорной кабинетной работѣ. На редакціонныхъ собраніяхъ онъ подолгу не произносилъ ни одного слова, слушая или дѣлая видъ, что слушаетъ, вертя въ это время въ пальцахъ карандашъ или нервно покручивая въ одну сторону кончикъ бороды. Но когда ему приходилось высказываться, онъ говорилъ сжато и быстро, никогда не останавливаясь ни на мгновение, для подысканія слова. Въ эти короткія минуты онъ не позволялъ перебивать себя. Онъ произносилъ спокойно: „виновать, я сейчасъ кончу,“ и продолжалъ свою рѣчь оттуда, гдѣ остановился, съ той непоколебимой дѣловой логичностью, ясностью изложенія и знаніемъ вопроса, которымъ трудно бывало противустоять. Передъ большою же публикой онъ, насколько я знаю, никогда не выступалъ, боясь за свои нервы.

Работоспособность его была поразительна. Онъ читалъ въ рукописяхъ статьи почти по всѣмъ отдѣламъ журнала, держалъ ихъ корректуры, велъ громадную дѣловую переписку, принималъ извѣстныхъ авторовъ, а также дебютантовъ въ литературѣ, что между прочимъ одинаково трудно, длительно и неудобно, писалъ рецензіи и критическія статьи, распределялъ матерьялъ для очередной книжки, сносился съ типографіей, торопилъ брошюровочную. Казалось, въ немъ жила какая-то ненасытная потребность заваливать себя сверхъ головы работой. Кто-то сказалъ про него въ шутку: еслибы у Богдановича оставалось время, онъ бы самъ набиралъ статьи, версталъ ихъ и печаталъ.

Какъ настоящій безпримѣрный труженикъ, онъ не терпѣлъ пражной болтовни, и высоко цѣнилъ дѣловое время. Поэтому разговоры его съ авторами отличались лаконичностью. Если писатель во что бы то ни было жаждалъ прочитать ему немедленно же, вслухъ, свою повѣсть размѣромъ

въ три, четыре печатныхъ листа,—онъ говорилъ коротко, но твердо: „оставьте здѣсь рукопись, мы сами прочтемъ“. Возвращая статью автору-неудачнику онъ говорилъ: „это намъ не подходитъ,“ а на настойчивые просьбы сказать откровенно, почему именно не подходитъ, онъ отвѣчалъ съ серьезной, дѣловой откровенностью „потому что плохо написано“. Авторовъ-графомановъ, и, болѣзненно-обидчивыхъ дамъ-романистокъ онъ избѣгалъ, какъ огня.

Такой образъ дѣйствія очень понятенъ со стороны, но совершенно непонятенъ авторамъ, и вотъ о Богдановичѣ пошло ходячее мнѣнiе, какъ о человѣкѣ съ угловатымъ, нетерпѣливымъ и высокомернымъ характеромъ, на что впрочемъ онъ не обращалъ никакого вниманiя. Однако онъ одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ исключительные таланты Горькаго и Андреева и воспрiялъ отъ купели юношескiя произведенiя многихъ беллетристовъ, пользующихся теперь большой извѣстностью, а тогда—робкихъ, застѣнчивыхъ, уступчивыхъ и признательныхъ новичковъ. *Тѣ, кому слѣдуетъ, поймутъ меня.* Правда, онъ никогда не нѣжничалъ, не льстилъ, не предсказывалъ писателю будущности, не распредѣлялъ мѣстъ въ литературномъ пантеонѣ. Онъ просто говорилъ: „это намъ подходитъ“ или „ваша рукопись сдана въ наборъ“. Эту краткость и сухость тоже относить насчетъ его нелюдимости, мизантропiи, самолюбiя и т. д. А между тѣмъ это была только привычная манера дѣлового и страшно занятаго человѣка. Я утверждаю, что подъ его внѣшней холодной и сухой манерой обращенiя таилась истинная, сердечная привязанность къ носителямъ даже незначительныхъ талантовъ. Для него бывало большой радостью, когда „нашъ“ сотрудникъ попадалъ въ книжки „Знанiя“, получая такимъ образомъ нѣкоторый патентъ на экзаменъ, выдержанный во второй классъ. И — хотя это всегда отзывалось впоследствии проигрышемъ для журнала—онъ всячески содѣйствовалъ, насколько это отъ него зависѣло, тому что бы экзаменующiй получилъ удовлетворительный баллъ и былъ принятъ.

Но были два предмета его постоянныхъ волненiй и нѣжной заботливости—это „нашъ журналъ“ и „нашъ чи-

татель.“ Оба они были для А. И. реальными, почти живыми существами. Имъ онъ отдавалъ всю свою душу, о нихъ думалъ съ утра до вечера, ради нихъ усугублялъ свою осторожную недобѣрчивость испытаннаго журналиста. Поэтому онъ и бывалъ такъ упрямо безпощаденъ къ перебѣжчикамъ, къ людямъ съ подмоченной репутаціей, къ писателямъ-флюгерамъ, готовымъ писать какъ, гдѣ и что угодно; здѣсь его антипатіи стояли неизблемой стѣной. Наконецъ—и только при нарушеніи интересовъ любимаго журнала—на Богдановича изрѣдка, раза 2—3 въ годъ находили припадки настоящей, не знающей границъ ярости, тѣмъ болѣе страшной, что она отгѣнялась всегдашнимъ спокойствіемъ. Въ одномъ изъ подобныхъ настроеній Богдановичъ однажды такъ объяснился съ придирчивымъ цензоромъ, что редакція журнала съ этой поры не рѣшалась болѣе утруждать его объясненіемъ по дѣламъ печати.— Безкорыстный джентльментъ, уступчивый въ вопросахъ денежныхъ и издательскихъ—онъ становился деспотичнымъ и вспыльчивымъ, когда дѣло касалось репутаціи и чести его знамени—журнала.

Несмотря на громадный трудъ по журналу, Ангель Ивановичъ, читалъ поразительно много и, что еще дороже, обладалъ исключительною памятью, въ которой множество самыхъ разнообразныхъ знаній укладывались легко и въ порядкѣ. Никто легче его не обличалъ плагиаторовъ. Это былъ настоящій энциклопедическій умъ, живой справочникъ, въ которомъ умѣщались даже такія свѣдѣнія, которыя были совсѣмъ далеки отъ спеціальнаго медицинскаго образованія Ан. И—ча, и отъ его писательской профессіи. Онъ удивлялъ иногда точными и обширными познаніями въ военномъ искусствѣ, въ конскомъ и атлетическомъ спортѣ, въ православномъ богослуженіи, хотя самъ былъ католикомъ, въ естественныхъ наукахъ, въ математикѣ, въ медицинѣ, въ исторіи, въ музыкѣ, въ политической экономіи, въ живописи, и во многомъ другомъ. Но мнѣнія свои онъ высказывалъ всегда кратко и притомъ въ самой скромной формѣ: „если я не ошибаюсь“... „насколько помню“... „какъ мнѣ кажется.“

Многимъ, изъ знавшихъ Богдановича лишь издали,

поверхностно, покажется невѣроятнымъ, чтобы этотъ болѣзненный, глубоко-серьезный, молчаливый человѣкъ могъ страстно любить наиболѣе яркія, самыя цвѣтныя стороны жизни. Еще за пять лѣтъ до своей смерти, онъ неизмѣнно ходилъ смотрѣть, откуда то съ Канавки, на военные майскіе парады и совершенно искренно, даже наивно восхищался голосомъ діакона Малинина на Смоленскомъ кладбищѣ во время заупокойной обѣдни по В. П. Острогорскомъ. Онъ съ удовольствіемъ, въ видѣ отдыха, читалъ Шерлока Хольмса, Дюма-отца и романы съ приключеніями, и онъ былъ поклонникомъ физическаго здоровья, мускульной силы, ловкости, красоты, нормальной чувственности, отваги, легендарнаго героизма и переносилъ эти симпатіи въ свои сужденія о литературѣ. Я помню, какъ трогательно, наивно и смѣшно, съ необыкновенной серьезностью онъ отозвался объ одномъ авторѣ, принесшемъ въ журналъ свое произведеніе: „романъ хорошъ, мы его напечатаемъ, но ужасно жалко, что авторъ такой плюгавый на видъ“. Яркость и сочность красокъ, здоровая и простая художественность, сила изображенія и мѣткость взгляда болѣе всего прельщали его въ произведеніяхъ беллетристики.

Но болѣзнь и усталость брали свое, все болѣе суживая кругъ личной жизни. За послѣдній годъ мы ни разу не видали даже тѣни улыбки на строгомъ лицѣ Богдановича. Въ обращеніи его съ людьми проглядывала утомленность и сумрачная, но мягкая грусть. Журнальныя невзгоды, вродѣ колебаній подписки, неизбѣжныхъ внутреннихъ неурядицъ, административныхъ нападковъ и т. д., уже не возбуждали въ немъ, какъ раньше, мгновенныхъ, хотя и рѣдкихъ взрывовъ негодованія—онъ принималъ ихъ съ покорной тоской, затаенной подъ вѣншей выдержанной холодностью. И самая политическая ненависть, прежде такъ глубоко возмущавшая и колебавшая его усталую душу, подъ конецъ улеглась и устоялась въ безповоротное презрѣніе и молчаливую брезгливость.

Зналъ ли онъ, предчувствовалъ ли свой близкій конецъ? Никто изъ насъ не сумѣлъ отвѣтить на это, потому что никого онъ не пускалъ въ свою замкнутую душу. Но до

последнихъ минутъ главнымъ центромъ его сознанія, важнѣйшимъ интересомъ его угасавшей жизни были все тѣ же два, одухотворенные въ его глазахъ существа—„нашъ журналъ“ и „нашъ читатель“. Имъ онъ остался вѣренъ до смерти.

Храбрый солдатъ покидаетъ свой постъ только тогда, когда изъ его рукъ само вываливается знамя, и глаза заволакиваетъ холодный туманъ. Преклонимся передъ этимъ образомъ героя. Но также снимемъ шляпы и опустимъ головы передъ ежедневнымъ, незамѣтнымъ, будничнымъ самоотверженіемъ, идущимъ вплоть до могилы. Это я говорю тому читателю, на служеніе которому Богдановичъ сжегъ свою жизнь.

А. Куртинъ.

Ангель Ивановичъ Богдановичъ.

(Черты изъ личныхъ воспоминаній).

Въ 1885 году послѣ долгихъ скитаній судьба закинула меня въ Нижній-Новгородъ. Городъ для меня былъ чужой, знакомыхъ вначалѣ не было. Единственное учрежденіе, родственное, такъ сказать, по духу всякому русскому интеллигентному скитальцу,—была общественная библіотека, въ которой я и проводилъ не мало часовъ за книгами и газетами. Однажды, сидя такимъ образомъ за читальнымъ столомъ и поднявъ глаза, я встрѣтилъ взглядъ сидѣвшаго напротивъ меня очень молодого человѣка, въ очкахъ. Казалось, онъ хотѣлъ заговорить о чемъ-то, но затѣмъ опять опустилъ глаза въ книгу, а вскорѣ поднялся и вышелъ.

Я сразу почувствовалъ въ этомъ незнакомомъ молодомъ человѣкѣ что-то родственное, точно мы принадлежали оба къ какому-нибудь ордену и угадывали это товарищество по неуловимымъ признакамъ.

Дня черезъ два мой братъ, тоже вернувшійся изъ библіотеки, сказалъ, что тамъ къ нему подошелъ и познакомился съ нимъ молодой человѣкъ, бывшій кіевскій студентъ, живущій въ Нижнемъ подъ надзоромъ полиціи.

Это былъ Ангель Ивановичъ Богдановичъ.

Полякъ по происхожденію, р.-католикъ по исповѣданію. А. И. Богдановичъ въ дѣтствѣ попалъ вмѣстѣ съ семьей въ нижегородскую губернію, гдѣ выросъ и получилъ среднее образованіе. Впечатлѣнія приволжскаго края окружали та-